

Отечественный зритель узнал Юла Бриннера благодаря вестерну Джона Стерджеса «Великолепная семерка» (1960). Мало кто тогда знал, что лысый сорокалетний серьезный парень с азиаткой в глазах – наш, можно сказать, соотечественник. Самый известный на планете уроженец Владивостока.

Владивосток – город провинциальный, сравнительно юный и небольшой. Знаменитостей неместного значения отсюда вышло немного. Юл Бриннер (1920–1985) – настоящий национальный герой Владивостока наряду с писателем Арсеньевым, капитаном Щетининой и музыкантом Лагутенко. Дух короля Бродвея, несмотря на смену поколений, по-прежнему живет в его родном городе, где Юл стал памятником и персонажем: к его 100-летию сразу два театра подготовили спектакли по пьесам местных авторов Виктории Костюкевич и Юрия Гончарова. А сын актера Рок, прошагав по городу в сапогах отца из «Великолепной семерки», замкнул полуторавековой межконтинентальный маршрут своего рода и даже завещает развеять часть своего праха над Амурским заливом...

Возникает вопрос: правомерно ли считать Юла владивостокским, если семи лет он попал в Харбин, двенадцати – в Париж, а двадцати – в Нью-Йорк?

Ключом к ответу может быть история его семьи, похожая на сюжет авантюрного романа.

* * *

Пролог: 1865 год, швейцарский юноша Жюль Бри-нер уходит в пираты. Попадает в Японию, где каким-то образом становится компаньоном британской судоходной компании. Патрон умирает, фирма переходит к Жюлю. Так начинается бизнес-империя Бринеров.

В юном Владивостоке юный Жюль создает пароводную компанию «Бринер, Кузнецов и К°». Женится на дочери заместителя начальника Владивостокского порта Наталье Куркутовой – именно от ее бурятских предков Юлу достался фирменный разрез глаз. Свидетели на свадьбе – Петр Колчак (дядя того самого) и предприниматель, родственник невесты Михаил Янковский, сосланный за Урал за участие в польском восстании. Жюль – теперь Юлий Иванович – принял русское подданство, стал купцом 1-й гильдии, почетным горожанином. В 1890 году у него пьет чай Чехов, возвращавшийся с каторжного Сахалина. В Сидими на юге Приморья Бринер строит усадьбу. Вот о чем можно снять вестерн, вернее, истерн: Янковские и Бринеры отстреливаются то от тигров, то от хунзузов...

В Тетюхе (ныне Дальнегорск) Бринер начал разработку свинца и цинка. Управляющим этой ветвью семейного бизнеса решили сделать одного из шестерых потомков Жюля и Натальи – Бориса – и от-

Часть его brutального имиджа – блестящий череп. Поводом показаться с голой макушкой стала роль короля Сиама, брившего голову в буддийском монастыре. Шаг был вызывающим: Рок Бриннер пишет, что лысина в 1940-х считалась в США если не позорной, то комичной, и Юл одно время даже носил парик.

правили его учиться в Петербург, в Горный институт. Там он знакомится с Марусей Благовидовой, дочерью врача из Владивостока. Возвращаются они вместе.

Сын Бориса и Маруси, которого мир узнал как Юла Бринера, появился на свет 11 июля 1920 года во Владивостоке на улице Алеутской. За стеной комнаты, где принимали младенца, храпели японские интервенты. Новое достояние Дальневосточной республики назвали Юлием Борисовичем и крестили в православной церкви, притом что в городе имелись и кирха, и костел.

Вскоре Борис Бринер оставил семью и ушел к актрисе Екатерине Корнаковой (а та ради него бросила мужа – актера Алексея Дикого, позже игравшего Сталина, Кутузова и Нахимова). Борис Юльевич стал последним капиталистом СССР: договорившись с главой Высшего совета народного хозяйства Держинским о сохранении концессии в Тетюхе, он привлек английского инвестора и вновь запустил рудники. Но мир впал в Великую депрессию, цены на свинец и цинк рухнули, и в 1931 году фирму продали Советам. Национализированный комбинат «Сихали» возглавил Михаил Кокшенов – отец актера Михаила Кокшенова (в 1938-м Кокшенова-старшего расстреляют).

Юл с сестрой Верой и мамой, которую свекровь после ухода Бориса выгнала из дома вместе с деть-

ми, в 1927 году попал в Харбин. Центр Китайско-Восточной железной дороги был тогда городом насквозь русским. Здесь жили белоэмигранты, на КВЖД работали советские служащие. Юлий учился в русской школе. Слушал Лемешева и других гастролировавших советских артистов.

В 1932 году, после оккупации Маньчжурии японцами, Маруся и дети едут в Париж. Позже Юл будет вспоминать, что в дороге он читал Достоевского, а в гитаре вез опий – и это мальчик 12 лет! Или здесь начинается его личная мифология? Подавая впоследствии документы на американское гражданство, он укажет местом рождения Сахалин, СССР. Будет называться то монголом, то цыганом, приводить разные даты рождения... Фантазировал, мистифицировал – но ценил свою евразийскую закуску. Даже если потом многое выветрилось, даже если он помнил то, чего не было, – в данном случае миф важнее подлинных анкетных данных. Он действительно хотел быть – или по крайней мере казаться – русским, азиатским, цыганским. Дорожил своей экзотичностью и продавал ее по всем правилам шоу-бизнеса.

В Париже Юл работает в цирке. Исполняет со знаменитым цыганом Алешей Дмитриевичем романсы, аккомпанируя на семиструнной, русского строя гитаре.

В 1940-м, после оккупации Франции Гитлером, едет в США. Учится актерской игре у педагога и режиссера Михаила Чехова – племянника писателя. Осваивает английский. Снабжает фамилию вторым п, чтобы ее не читали как «Брайнер». Сокращает имя до звучного Yul.

Бриннер задолго до Шварценеггера сыграл работа-убийцу в «Мире Дикого Запада» (1973). С Бриннера срисовали киношный образ Фантомаса. Он одним из первых получил за роль миллион долларов.

Часть его brutального имиджа – блестящий череп. Поводом показаться с голой макушкой стала роль короля Сиама, брившего голову в буддийском монастыре. Шаг был вызывающим: Рок Бриннер пишет, что лысина в 1940-х считалась в США если не позорной, то комичной, и Юл одно время даже носил парик. Выходит, и в облике Гоши Куценко – ответ блистательной головы Юла.

Самурай играл до конца – даже добираясь от гримерки до сцены в инвалидной коляске (травма позвоночника, рак легких, инсульт...). Последней работой Юла стал ролик о вреде курения, показанный по телевидению в день его смерти.

Откуда он взялся – такой? Не упал же с небес, как Сихотэ-Алинский метеорит.

Родословную не случайно называют древом. Можно понимать историю семьи как развитие побегов и цветков, обусловленное корнями, солнцем, почвой... При изучении древа Брин(н)еров видно: Юл несет на себе родимые пятна, незримые папиллярные узоры близких. Тут – и склонность к авантюризму, и замешенная на нем же деловая жилка: так, в 1965 году, не желая платить высокий налог с гонораров, Бриннер отказался от американского гражданства. И любвеобильность, неприспособленность к семейной жизни. Конечно же – артистичность: Маруся Благовидова пела, Борис Бринер играл на гитаре, мальчика с детства окружали музыканты и актеры.

Сестра привела Юла в парижский ресторан «Эрмитаж», где он познакомился с Дмитриевичем. Вторая жена отца – та самая Корнакова – дала ему рекомендательное письмо к Чехову. Судьбу человека определила гроздь случайных, казалось бы, обстоятельств то частного, а то и всемирно-исторического характера: темпераменты отца и бабушки, культурное окружение во Владивостоке, Харбине и Париже, русская революция, японская оккупация Китая, немецкая оккупация Франции...

Национальная идентичность Юла Бриннера – вопрос спорный. Как минимум до отъезда в Европу он говорил и думал по-русски. Потом язык почти утратил, судя по записи 1965 года с Дмитриевичем, но интерес к русской культуре сохранил навсегда. Сыграл Тараса Бульбу и Митю Карамазова. В «Путешествии» эмигранта Анатоля Литвака исполнил роль советского майора, подавляющего венгерский «майdan» 1956 года и закусьивающего водку граненым стаканом. В фильме Анри Вернея «Змей» сыграл полковника КГБ. Интересно вслушаться сквозь перевод в его речь: Юл совершенно по-русски произносит «Степан» – не «Стэпан» и не «Стьепан». На вопрос о дате рождения честно отвечает: 11 июля...

Фраза Экзюпери «все мы родом из детства» в полной мере относится к Юлу Бриннеру. Контекст, в котором он так или иначе находился до 20 лет, оставался для него крайне важным всю жизнь – и объективно, и субъективно. Без Владивостока рубежа веков и швейцарско-русской дальневосточной семьи он бы просто не смог появиться – таким, каким появился. Так что владивостокцы вправе считать его земляком не только по факту рожде-

ния, который сам по себе еще ни о чем не говорит (вспомним, что такие суперзвезды Владивостока, как упомянутые Арсеньев и Лагутенко, – столичные уроженцы).

Юл Бриннер не просто рожден во Владивостоке. Он рожден Владивостоком. Дитя страстей своего рода, бурь своего века, духа своего города.

